

Вырезка из газеты ГОРЬКОВСКАЯ КОММУНА

от 23. ОКТ. 38. 2

Горький

Газета №

К 40-летию МХАТ ИЗ ПРОШЛОГО

Московским художественным театром создавались не только артисты, но и драматурги. Горький и Чехов работали в содружестве с мастерами МХАТ.

Горький, прибывшая в Москву, прежде всего ошеломила в художественный театр; он был готов смотреть одну и ту же пьесу бесконечное число раз. «Дядя Ваня» Чехова производил на него такое впечатление, что он не мог удержаться от слез. Сам он тогда не написал еще ни одной пьесы.

Его творческой душой стало овладевать стремление написать пьесу, достойную художественного театра. В это время мы часто виделись с ним в Нижнем, Москве, в Петербурге.

Горький делился со мной сюжетами разных пьес. Не решался, за какой сюжет скорее ухватиться. Станиславский и Немирович-Данченко, с которыми он быстро подружился, убеждали его написать пьесу из большой жизни. Но Алексей Максимович не сразу решился брать за эту тему.

— Понимаешь, — говорил он мне, — подымались все эти господа хорошие со сна и обступили меня. Кружатся, толкаются... Хочу усадить их и не могу. И все разные. Иной, братец ты мой, в лохмотьях,

а смотрит гордо, любому испанскому гранду десять очков вперед даст. И все говорят, и хорошо говорят, а речей их никак не могу так уловить, чтобы эти речи мешан извизгивать заставили. Нет, уж лучше я за мешан примусь. С мешанами, дядя, еще придется почитаться.

И он принялся за мешан. Но работу над мешанами пришлось прервать.

В феврале 1901 года Московский художественный театр приехал на первые гастроли в Петербург. Об этих гастролях очень хлопотал Горький. После спектаклей артисты и писатели, в том числе, конечно, Алексей Максимович, собирались в отдельном зале ресторана Пашкина поужинать и побеседовать. Здесь всегда бывали Станиславский, Немирович-Данченко, Лужский, Москвин, Артем, Вишневский, Мейерхольд, Книппер, Андреева. Не помню, бывал ли Качалов. Он тогда только что вступил в труппу художественного театра и не успел еще выдвинуться на первые роли.

Первый раз я его видел из репетиций, а затем и на самом представлении «Снегурочки». Он играл царя Берендея. Это было его первое выступление в МХАТе. Уже тогда я заслушивался его бархати-

стым, певучим голосом, превосходной, отчетливой, ритмической дикцией, уже тогда любования его благородным обликом.

Наружность каждого из артистов была интересна, своеобразна. Иные были как бы созданы для своих ролей. Так, например, Артем был прямо незаменим для изображения как Телегина («Дядя Ваня»), так и Фирса («Вишневый сад»).

Станиславский, высокий, стройный, мог без грима играть подполковника Вершинина («Три сестры»). Горький смотрел на Станиславского прямо влюбленным глазами и как-то невольно сказал ему: — Ах, вы, красавец мой!

Москвин — небольшого роста, неряшливый, умел преобразиться то в юродивого царя Федора, то в страшного городничего, то в бобыля Бакулу с его «бобыльской хмельной головой» («Снегурочка»), то в лукавого старикашку Дюку («На дне»), который всех заговорит, всех спутает, а сам потихоньку смеется.

Книппер — красивая женщина, умела играть в русскую студентку-революционерку (Анна в «Одиноких»), и перла любви Деля («Снегурочка»), и озлобленную жену тулупного учителя («Три сестры»), и жену брызжащего старого профессора, готовую покетничать с интересным провинциальным доктором.

Андреева играла нежных, мечтательных, несчастных, безобидных женщин.

4 марта 1901 года был устроен

банкет в честь артистов МХАТа. На банкет были приглашены все известные петербургские литераторы и артисты.

В тот день на Казанской площади произошла студенческая демонстрация, окончившаяся побоищем. Мы с Горьким были на демонстрации, видели даже сны избития студентов и курсисток полициейскими и казаками. После некоторого колебания решили все-таки пойти на банкет. Горький просил меня сказать на банкете что-нибудь такое, что побольше всех бы хлестнуло. После нескольких речей, возмущавших художественный театр, взял слово и я.

Описав побоище, я призывал интеллигентную открыто протестовать против полицейского насилия. Сказал, что самодеятельные бюрократы оттого так сиперствуют, что чувствуют близость своей гибели.

Присутствующие изволновались. Некоторые выразили мне сочувствие. Один из артистов подошел ко мне и, крепко пожав руку, сказал, что я своей речью выразил чувства всех артистов художественного театра.

Одним из последних говорил А. Ф. Коня. Бопи шуточно выступил, как прокурор.

Обращаясь к «подсудимым», Немирович-Данченко и Станиславскому, он обвинял их в страшном преступлении — убийстве рутины и беспомощном упятости театральная лжи и замене ее правдой, которая, как известно, колет глаза. Он призывал «присяжных» призо-

ворить Станиславского и Немировича-Данченко к высшей мере наказания: «навсегда замочить их в наши любящие сердца».

В апреле я был арестован в Петербурге и посажен сначала в «Кресты», а потом в предварку. Горький почти одновременно был арестован в Нижнем, куда уехал после демонстрации.

Вскоре он был выпущен, а мне удалось уехать за границу.

Горький сообщил мне, что закончил пьесу «Мещане».

«Моя пьеса, по отзывам знатоков театра и сны, улялась. По я думаю, что ее не пропустят, хотя Немирович уверенно возражает. Когда я ее обработаю совершенно, пришлю тебе рукопись, только ты не забывай никому переводить. Пьесу еще пьесу. Герой — спочист, горюппа — жена присяжного поверенного, бывшая курсистка, дочь прахика».

Немирович и Станиславский угорюпали Горького прежде всего принять за пьесу из быта «бывших людей». Об этой пьесе Горький много советовался со своими друзьями, несколько раз менял план; наконец, создалась «На дне».

Первое представление «На дне» прошло с необычным, потрясавшим успехом. П артистов, и автора вызвали бесконечное число раз.

Театр уже одним блестящей постановкой «На дне» завоевал себе право называться именем Горького. Но это почетное название могла дать ему только советская власть.

В. А. ПОССЕ